

ках нашей истории). Добиться того, чтобы Конституция соответствовала своему смыслу, можно лишь совместной работой ученых, власти и гражданского общества.

1. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Независимая газ. 2018 г. 9 окт. / URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tocheynymi-izmeneniyami.html> (дата обращения: 04.03.2019).

2. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избр. ст. : в 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 345–355.

3. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблема права в современную эпоху : монография. М. : Норма, 2017. 448 с.

4. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч. Т. IV. М., 1994. С. 151–414.

5. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Проспект, 2016. 832 с.

УДК 340.1

С.П. Рабинович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко

ПРАВОВАЯ ОЧЕВИДНОСТЬ И ТИПЫ ПРЕДРАССУДОЧНОГО ЗНАНИЯ

Понятие «очевидного» в юриспруденции обладает рядом смежных коннотаций. Так, во-первых, речь может идти о непосредственной достоверности правового знания, о неких «само собой разумеющихся» правовых признаках действий, явлений либо процессов. Во-вторых, «очевидность» обозначает аксиоматичность исходных положений, принципов юридической аргументации. В-третьих, этот термин указывает на бесспорность существования фактов, на несомненную истинность утверждений и оценок, выступающих, в частности, основаниями разумных ожиданий в праве. Наконец, речь может идти лишь о чувстве субъективной уверенности в такой бесспорности и истинности.

Аристотель в «Никомаховой этике» вел речь о нравственных очевидностях. По Стагириту, исходные принципы добродетельных поступков, как и аксиомы в геометрии, не могут быть доказаны. Что именно является добродетельным, никому, кроме добродетельного, не видно, так как испорченность сбивает с толку, вынуждая обманываться в отношении оснований нравственного поведения [1, с. 729].

В более поздней философской традиции представления об очевидности принадлежат ряду авторов учений и концепций, имеющих, как правило, естественно-правовую направленность (Фома Аквинский,

Дж. Локк, Г. Лейбниц, С. Пуффендорф, И. Кант, А. Райнах, Н. Алексеев, И. Ильин и др.). Концептуальные подходы к интерпретации правовой очевидности в XX в. разрабатывались неокантианцами Г. Радбрухом, Г. Гаррном и Г. Шпренгером [2–4; 5, с. 69–70].

Для юридической практики существенно, что под феноменом очевидного «можно понимать не только нечто, данное нам в личных переживаниях, но и соответствующее значение, функционирующее intersubъективно в человеческом сообществе» [6]. В современной эпистемологии «самоочевидные» компоненты содержания сознания отражаются понятием обыденного знания. Такое знание несистематизированно, фрагментарно и слабо рефлексивно, приближено к навыку и привычке. Оно обосновывается лишь прагматически и поэтому в значительной степени зависит от историко-социального контекста. Регулятором его обоснованности, упорядоченности и эффективности считается «здравый смысл» [7, с. 415].

Обыденное знание пред-рассудочно и потому во многих отношениях также и пред-посылочно по отношению к иным видам социального знания и опыта. Часть повседневного знания, совместно используемая участниками правового общения, образует содержание их коллективного предпонимания. Это обуславливает коммуникативную природу очевидности и ее связь с принципом разумных ожиданий. Для сознания «очевидность», собственно, оказывается той точкой, в которой обнаруживается социально-психологический феномен «нормативной силы фактического» (Г. Еллинек): местом совпадения эмпирически-фундированных представлений о нормальном с представлениями о нормативном.

Корни очевидности пребывают как в закономерностях материального мира, так и в закономерностях его осмысления и восприятия. «Логика задает для определенных типов ситуаций <...> некие закономерности, которые и характеризуют, в частности, данную ситуацию как „тип“. Анализ типичных закономерностей существенно важен для прояснения генезиса соответствующих очевидностей, содержащихся в основании данной ситуации, – понятий как типичные очевидности» [6]. Формой социальной объективации субъективно очевидного является опыт «интерпретативного сообщества», *interpretative community* (Stanley Fish, 1980), в рамках которого некие общие представления воспринимаются как очевидные. Общность совместной деятельности участников сообщества выступает социальным основанием объективности очевидного. В свою очередь, формами воспроизводства коллективного опыта, в которых проявляются общие поведенческие очевидности, выступают такие соционормативные образования как обыкновения, обы-

чаи, традиции и верования. В целом ряде случаев это сближает очевидное социальное знание с мифом.

В индивидуальном, а иногда и в коллективном сознании очевидность может выступать итогом интеллектуального опыта, результатом осмысления и переосмысления социальной практики, создающего новые очевидности. Так, в постклассической философии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) утверждается, что кажущаяся очевидность жизненных реалий лишь скрывает истину, а не открывает ее [8, с. 103]. Кажется уместным привести высказывание А.В. Ахутина о том, что при этом «мы не просто „доводим“, обобщаем или осмысляем практический опыт, а переосмысляем его, превращаем в опыт того, что не может быть предметом практического отношения...» [9, с.169].

Это может происходить в рамках опыта как индивидуального, так и коллективного – в последнем случае это касается прежде всего опыта специализированного, профессионального. Если обычно правореализационная и правоприменительная очевидности ограничиваются обыденным здравым смыслом и, соответственно, уровнем «реально-должного» (В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов), то практики законотворчества, конституционного и международного правосудия ориентированы уже на качественное преобразование общественной действительности, на привнесение в социальную реальность элементов идеально-должного. В процессе такого переосмысления, преобразования правового опыта смысловой горизонт очевидности расширяется.

Таким образом, очевидность выступает формой репрезентации социального опыта в коллективном сознании. «Очевидное» в собственно когнитивном и в ценностном познании юридических явлений является как предпосылкой, так и результатом опытного осмысления сущности явлений, их значимости для человека и общества. «Очевидное» знание выражает социокультурно обусловленное познание основ функционирования общественных отношений. «Естественность» очевидного означает его непосредственную данность для практического разума, кажущаяся априорность которой в «снятом» виде содержит результаты социальной практики.

Интеллектуальная очевидность выступает гносеологическим коррелятом онтологической конструкции «природы вещей». Категории «природы вещей» и «очевидного» отражают устойчивые интерпретационно-коммуникативные связи, обладающие для участников правоотношений и правоприменителей непосредственной убедительностью. Эти категории выражают общие закономерности понимания и смыслообразования, которым придается юридическое значение.

Не отрицая обоснованности широко распространенной интерпретации очевидности как непосредственной достоверности, отметим, что

последняя при всей ее кажущейся непосредственности практически никогда не сводится лишь к собственно чувственно-материальному восприятию (на что призваны указывать, в частности, апелляции к очевидности эмпирических фактов). Очевидность не только, как указывалось, выражает предпонимание, но также опирается и на предпонимание, обусловленное практическим опытом либо умозрительно-теоретическим познанием. Учитывая это, среди разновидностей юридически значимой очевидности можно выделить очевидность внешнюю – чувственно-материальную и внутреннюю – интеллектуальную (логико-смысловую) и нравственную (ценностную). Если первая позволяет устанавливать значение социально-поведенческих актов, выступая основой социальной коммуникации, то вторая опосредует процессы познания юридически значимых явлений и основывается на интеллектуальном и нравственном видах опыта.

Познавательный принцип интеллектуальной очевидности положен, в частности, в основу институтов «признания гражданского состояния общественностью», «неочевидности изобретения» [см., напр. 10] и др. Юридические очевидности объективируются также в неопровержимых презумпциях (скажем, презумпция психо- и физиологической неспособности малолетних к созданию собственной семьи), в процессуальных нормах, освобождающих от доказывания общеизвестных фактов, в стандарте доказывания «вне разумного сомнения» и пр.

К средствам юридической формализации очевидности как правопознавательного принципа относятся прежде всего термины «явное» и «очевидное» (очевидные нарушения правил, очевидная несправедливость приговора, явно непристойное поведение, явное пренебрежение, явно завышенные затраты и др.). Преобладание в законодательстве случаев, когда эти термины употребляются в негативном оценочном контексте по сравнению с теми случаями, когда они отражают нормативно-нейтральные ситуации, свидетельствует о смысловой рубежности, трансграничности соответствующих понятий: представление об очевидности обычно связывается с наиболее существенными нарушениями границ допустимого поведения или с иными предельными проявлениями свойств явлений или процессов, которым придается соционормативное значение. Мера выявления названными феноменами своей качественной определенности достигает тут столь высокого уровня, что признание интерпретативным сообществом соответствующего качества становится доминирующим, в силу чего его наличие может считаться бесспорным.

При законодательном конструировании ситуаций очевидной противоправности указанные выше категории отражают ситуации, когда поведение лица настолько выходит за рамки дозволенного, что факт

нарушения, как считается, должен быть достоверным для каждого участника соответствующих правоотношений.

На правоприменительном уровне «явная несправедливость» и «явная незаконность» поведения устанавливаются на основании обращения к укорененной в типичном социальном опыте интуиции, некоего общего (как считается, общепринятого) восприятия допустимого поведения.

Негативные коннотации понятия очевидного обозначают существование содержательно-смысловых границ интерпретации соционормативных принципов и норм. Более проблематичной, однако, представляется содержательная конкретизация «положительных» общеочевидных представлений. Так или иначе социокультурной и процедурной предпосылкой для такой конкретизации в обоих случаях служит деятельность интерпретативного сообщества «с устоявшимся инструментарием (техникой) обеспечения понимания, стереотипами толкования и собственным представлением о здравом смысле» (Д. Бочаров), выполняющем в процессе принятия юридических решений ограничительную функцию.

Использование понятий «очевидного» и «явного» в законодательстве можно увязать с разными типами социального знания:

1. С общераспространенными, типичными для массового сознания смыслами действий, явлений либо процессов (условно-всеобщая очевидность). Такие случаи не следует смешивать с теми, когда юридическое значение получает внутренняя убежденность лица в наличии определенных юридических или фактических обстоятельств (субъективная интеллектуальная очевидность). Здесь очевидность лишена всеобщего характера, выступая исключительно ситуативным и индивидуально-субъективным элементом конкретного юридического состава.

2. Со «специализированной», экспертной очевидностью. В этом случае круг субъектов-носителей очевидных представлений сужается до специалистов соответствующего профиля. Речь может идти об очевидности инженерно-технической, экономической, собственно юридической и др.

Таким образом, категория очевидного оказывается непосредственно связанной с действующими в конкретном обществе стандартами осведомленности. Необходимые для участия в соответствующих общественных отношениях содержание и объем такой осведомленности образуют когнитивную основу нормативных образов разумного участника правоотношений. В свою очередь, такие содержание и объем коррелируют с типичными особенностями самих общественных отношений (экономических, политических, семейных и т. д.).

Несмотря на то что процесс обнаружения очевидного являет собой непрестанно длящийся поиск, в каждый конкретно-исторический момент времени вполне допустимо вести речь о некоей общей для опре-

деленного круга лиц степени профессиональной осведомленности, позволяющей, например, оценить отданный приказ на предмет его явной преступности. Учитывая это, в целом ряде международно-правовых актов и документов (Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, 1990; Устав международного военного трибунала, Декларация о полиции, 1979; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и др.) нашла воплощение «доктрина разумных штыков».

3. С индивидуализированной очевидностью. В ряде случаев стандарты осведомленности определяются с учетом особенностей индивидуального восприятия, особенно если речь идет об отношениях межличностного характера, отношениях между человеком и государством, а также о других правоотношениях, в которых человек выступает социально слабой стороной. В таких ситуациях индивидуализация правоприменительных подходов служит выравниванию существенных различий в положении участников правоотношений. В приведенных случаях правоприменителем должен быть найден индивидуальный стандарт очевидности, который с учетом конкретной ситуации мог и должен был бы определять поведение конкретного участника правоотношений [11].

4. Промежуточным между типами социального знания, определяющими содержание общей и профессиональной интеллектуальной очевидности, может считаться осведомленность «хорошо информированного гражданина» (*well-informed citizen*) [12]. По А. Шютцу, быть хорошо информированным означает иметь разумно обоснованные взгляды в областях, представляющих для человека, по меньшей мере косвенно, интерес, хотя и не имеющих отношения к конкретной цели его деятельности.

Потребности юридической практики требуют содержательного ограничения и конкретизации общего понятия очевидности. Сфера его применимости может определяться как кругом участников типичных общественных отношений, чье восприятие принимается в расчет, так и в соответствующих случаях их индивидуальными особенностями. Индивидуализация стандартов явного и очевидного направлена на выявление не зависящих от актуально наличной воли человека особенностей восприятия и способствует гуманизации юридического регулирования. При трансформации общеочевидного в индивидуально-очевидное происходит, с одной стороны, конкретизация признанных сообществом стандартов осведомленности, а с другой – их содержательное обогащение.

Если применительно к интеллектуальной очевидности речь идет о ценностно нейтральном знании, то в отношении очевидности нравственной – о знании ценностном, о неких исходных, дорефлексивных

содержательных предпосылках, образующих начала нравственной и правовой оценки. Такое разделение отражает преобладающую роль теоретического либо практического опыта в выработке соответствующих представлений.

Непосредственной основой интеллектуальной очевидности служит опыт рассуждения, тогда как нравственная очевидность обуславливается социокультурным практическим опытом. В силу этого существующие в обществе различия социальных интересов, стереотипных представлений, верований и предрассудков, служащие основаниями нравственных оценок, на практике приводят к серьезным расхождениям в ценностных очевидностях для отдельных социальных групп и целых народов. Об этом с драматически непосредственной достоверностью свидетельствуют вооруженные конфликты на посткоммунистическом пространстве. В социологическом аспекте это указывает, в частности, на идеологическую конструируемость ценностных очевидностей и их содержательную партикулярность и партийность. В нравственном отношении проблема обретения и утраты очевидных оснований суждений о справедливом сегодня уже, по-видимому, связана с особой трудностью для массового человека практического воплощения аксиом «Никомаховой этики» в информационном обществе.

1. Аристотель. Никомахова этика : пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1983. 830 с.
2. Радбрух Г. Природа речи як юридична форма мислення // Філософія права : пер. з нім. Київ : Тандем, 2006. С. 248–275.
3. Gärn H. Die 'Natur der Sache' als Grundlage der juristischen Argumentation // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1982. № 68. Н. 1. S. 60–71.
4. Sprenger G. Naturrecht und Natur der Sache. Berlin : Duncker und Humblot. 1976. 160 S.
5. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М. : Наука, 1988. 144 с.
6. Черняк А.З. Проблема очевидности (2005) [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/chernjak_problema/?search=%d7%e5%ff%ed%ef%ea#st (дата обращения: 04.03.2019).
7. Семаш А.Ю. Трансформация обыденного знания, или Наука в популярном изложении [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/semash-ayu/transformaciya-obydenного-znaniya-ili-nauka-v-populyarnom-izlozhenii> (дата обращения: 04.03.2019).
8. Лаута О. Генеза поняття «досвід» у класичному раціоналізмі // Наук. вісн. Чернів. ун-ту. Сер. «Філософія». 2008. № 410–411. С. 98–105.
9. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.
10. Мельников В.М. Толкование критерия патентоспособности «неочевидность» [Электронный ресурс] / Патенты и лицензии. 2010. URL: <http://troy.ru/article.php?article=771> (дата обращения: 04.03.2019).
11. Рабинович С.П. Природно-правова очевидність та її юридична позитивація // Юрид. Україна. 2009. № 1. С. 15–21.
12. Шютц А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о распределении социального знания // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М. : ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. С. 222–238.

УДК 340.1

А.Л. Савенок, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

ЧЕЛОВЕК. ПРАВО. ТЕХНИКА

История существования человечества показывает, что в различные его периоды образ жизни и поведение людей в значительной степени определяются конкретными обстоятельствами, которые выступают по отношению к другим в роли доминирующих. В свою очередь, смена эпох вызывает к жизни новые обстоятельства, претендующие на роль доминирующих и неизбежно вступающих в противоречие с уже существующими. Так, долгое время люди зависели от сил природы, явления которой стали первопричиной появления древних богов, породив тем самым различного рода обряды, в том числе связанные с жертвоприношением. В дальнейшем образ жизни людей формировался преимущественно под влиянием религий, определявших развитие истории человечества на протяжении последних тысячелетий. К XX в. доминирующее значение в человеческом обществе приобрело право, вершиной которого стало принятие в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека. Что касается периода конца прошлого столетия и начала нынешнего, то жизнь людей оказалась во власти техники. При этом, как известно, природные явления, религия и право не остались в прошлом, а находятся рядом с человеком, продолжая оказывать на его влияние.

Зависимость человека от техники крайне высока. Неслучайно к этому вопросу в своих исследованиях обращались известные философы [1, с. 221–258]. Техника не только удовлетворяет растущий спрос, но и формирует его. Сегодня трудно представить жизнь современного общества без автоматизации производства, применения новых конструктивных материалов, использования ракетно-космической техники, широкого применения компьютерной техники и информационных технологий. Кульминацией усилий в этом направлении должно стать создание искусственного интеллекта, способного по своим возможностям сравниться с человеком и заменить его во многих сферах деятельности. Тем самым люди столкнулись с ситуацией, которая может привести к разрушению границ между техникой и человеком. Очевидно, что новые технологии привели к событиям, существенно повлиявшим на социальную реальность. Предсказать все положительные стороны и отрицательные последствия такого развития событий вряд ли возможно. Однако уже сейчас возникают проблемы, пока не нашедшие соответ-